

Вокруг интерпретации августовского путча

За двадцать лет после драматических событий августа 1991 года в нашей стране не утихает острая полемика вокруг их причин, смысла и последствий высказано немало свидетельств и суждений, позволяющих составить более полное представление об этом драматическом событии новейшей истории страны. И вместе с тем появилась масса книг и статей его участников, пытающихся оправдать августовскую авантюру как благородную попытку спасения страны от надвигающегося краха, якобы порожденного перестройкой.

В связи с двадцатилетием путча возникает необходимость вернуться к рассмотрению причин и последствий этого события.

Накануне

В начале 1991 года перестройка вступила в критическую фазу.

К этому времени наиболее глубокие перемены произошли в политической системе страны. Основные бразды правления перешли от партии в руки демократически формируемых государственных органов – Съезда народных депутатов и Верховных Советов Союза и республик, избираемых путем свободных демократических выборов и подотчетных им правительствам и других

¹ 1988-1990 гг.- секретарь, член Политбюро ЦК КПСС, 1991 г. – ст. советник Президента СССР, чл.-корр.РАН.

исполнительных органов. Все они выводились из подчинения КПСС, что было закреплено изменением статьи 6 Конституции СССР. Фактически это означало демонтаж однопартийной системы, что и проявилось в появлении различных политических объединений, фракций и группировок. Еще раньше стала реальностью свобода слова, печати, собраний.

Характерным свидетельством департизации и демократизации государства могут служить два факта. Первый: в состав Политбюро ЦК КПСС после XXVIII съезде КПСС в отличие от прошлого не вошел ни один из руководителей государственного уровня, кроме Председателя Верховного Совета (а затем – Президента СССР). И второй: альтернативная выборность руководителей государства. М.С.Горбачев был избран Президентом СССР на Съезде народных депутатов 1834 голосами из 2486. А за Ельцина на российском Съезде народных депутатов при выборах Председателя Верховного Совета РСФСР в 1990 году проголосовало 532 депутата, а 502 – против.

К сожалению, явно запоздала реформа политической системы в сфере национально-государственного устройства с учетом особенностей исторических судеб и расширения прав национальных республик и областей. Пленум ЦК КПСС по национальной политике партии состоялся лишь в сентябре 1989 года. Как говорил на пленуме М.С.Горбачев, мы не сразу пришли к осознанию необходимости «во всеохватывающих глубоких преобразованиях» в национальных отношениях. Тут, по его мнению, «очевидно, сказалось распространенное убеждение, что на этом направлении общественного развития дела у нас обстоят более или менее благополучно»¹.

Между тем в обстановке демократизации, гласности, критического переосмысления советской истории стали быстро, одним за другим всплывать унаследованные от прошлого трудные вопросы межнациональных отношений, загнанные до этого вглубь, а теперь вышедшие наружу. Причины некоторых из них были заложены в послеоктябрьском национально-

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 19-20 сентября 1989 года. – М., Политиздат, 1989, с.14.

государственном устройстве страны (вхождение Нагорного Карабаха в Азербайджан, Абхазии и Южной Осетии - в Грузию, части территорий с узбекским населением - в Киргизию и т.д.). Другие связаны с последствиями сталинских депортаций ряда малочисленных народов в годы Отечественной войны (крымских татар, чеченцев и ингушей, калмыков и карачаевцев, турок-месхетинцев, корейцев). И, наконец, это, – конечно, проблемы прибалтийских советских республик и Молдавии, отнесенных советско-германскими протоколами 1939 года к зоне советского влияния и присоединенных к Советскому Союзу.

Началось и стало быстро набирать активность раскачивание Союза ССР вначале под лозунгом республиканского хозрасчета, а затем с требованиями экономической и политической самостоятельности республик. Движущей силой этого разрушительного движения стало российское руководство, когда во главе его в середине 1990 года оказался Ельцин. Его целью стало не обновление Союза, а его развал и, в конечном счете, фактическая и юридическая ликвидация.

К началу 1991 года стали все более ощутимо проявляться и экономические трудности. Их корни уходили в советское предперестроечное время. Это низкая эффективность экономики, ее перекос в пользу тяжелой и оборонной промышленности в ущерб сельскому хозяйству, потребительскому сектору и сфере услуг. Это огромное, непосильное бремя военных расходов, поглощавшее не менее четверти средств госбюджета. Это и возрастающая зависимость страны от экспорта топлива и сырья.

В первые годы перестройки в условиях общего оздоровления социально-политической обстановки в стране, укрепления трудовой и исполнительской дисциплины, а также за счет развития подряда, индивидуальной трудовой деятельности, кооперативов удалось заметно повысить темпы экономического развития. В апреле 1987 года в итоге острейших дискуссий была подготовлена и принята программа экономической реформы в стране,

предусматривающая перевод предприятий и объединений в режим работы социалистических товаропроизводителей на основе самокупаемости с постепенной заменой материально-технического снабжения оптовой торговлей средствами производства, переходом к ценам, свободно складывающимся на рынке.

1988 год по основным экономическим и социальным показателям развития СССР оказался лучшим, чем все предыдущие. Но уже в 1989 году рост экономики заметно снизился, в 1990 году вообще приостановился, а в 1991 году наступило общее ухудшение экономической ситуации. Сказалось крайне неблагоприятное стечение ряда важных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера.

Одно из них - независимое от нас, - глубокое снижение мировых цен на нефть и другие топливно-энергетические и сырьевые ресурсы, а также продукты их первичной переработки¹. Из-за низких цен на нефть стали выводиться из эксплуатации низкорентабельные скважины. Это еще более осложняло ситуацию. Из-за резкого уменьшения валютных поступлений началось свертывание зависящих от них производств в машиностроении, металлургии, легкой и пищевой промышленности, ограничение закупки за границей продовольственных и промышленных товаров для населения.

Второе – затяжка и фактический срыв экономической реформы, принятой в 1987 году. Консервативные силы, преобладавшие в партийно-государственном аппарате, считали ее слишком крутой, а нарождающаяся либеральная оппозиция отвергала за недостаточную радикальность. Реализация отдельных компонентов реформы (например, отказ от прямого административного контроля над соотношением производительности и оплаты труда), вырванная из общего контекста, дала лишь отрицательные результаты, способствовала разбалансированности рынка.

¹ Цены на нефть рухнули еще в середине 80-х годов. Но благодаря тому, что более половины вывозимой за границу нефти и нефтепродуктов мы поставляли соцстранам по ценам, усредняемым за последние пять лет, пик падения нефтяных доходов пришелся на конец 80-х годов.

За два года после принятия реформы 87-го года экономическая и политическая ситуация в стране существенно осложнилась, потребовались иные подходы к экономической реформе. Появились ее различные варианты, вокруг которых в 1989-1990 годах развернулась острая борьба. Реальная ситуация в экономике стала все более обостряться, а экономическая система оставалась устаревшей, не стимулирующей повышение эффективности.

Третье – экономические трудности и неурядицы в стране в немалой степени были последствиями нагнетания политической напряженности в стране и действиями оппозиционных и сепаратистских сил – забастовками, ограничением межреспубликанских и межобластных поставок сырья, топлива, сельскохозяйственной продукции, финансовых потоков. В Российской Федерации и других союзных республиках стали приниматься декларации о приоритете их законов перед союзными, об ограниченном перечислении средств в союзный бюджет, проводиться массовые акции с требованиями о независимости республик.

Горбачевское руководство оказалось в сложном положении – под сильнейшим давлением с двух сторон: со стороны радикал-либеральной оппозиции в Центре и республиках, требующей демонтажа и роспуска Союза, и одновременно со стороны консервативных кругов в союзном партийно-государственном аппарате, стоящих за применение жестких силовых методов подавления сепаратистских и либеральных сил. В январе 1991 года такие действия, повлекшие человеческие жертвы, они спровоцировали в Вильнюсе и Риге.

В этих сложных драматических обстоятельствах Горбачев неуклонно следовал линии на решение острейших политических и экономических проблем в демократическом конституционном поле, пользуясь прерогативами Президента страны.

С целью укрепления союзной власти была произведена ее реорганизация. Вместо Совета Министров СССР был создан Кабинет Министров при

Президенте СССР. Его главой стал Павлов В.С. Перед Кабинетом была поставлена задача предотвращения кризиса экономики и ее реформирования. В марте была, наконец, проведена реформа цен, которая позволила в определенной мере улучшить ситуацию на внутреннем рынке. Подготовлена и согласована с республиками общая программа реформирования и стабилизации экономики.

17 марта 1991 года был проведен референдум о судьбе Союза. В нем приняли участие все союзные республики, кроме Армении, Грузии, Молдавии и Прибалтики. Более 76% принявших участие в референдуме проголосовали за сохранение СССР как федерации равноправных суверенных республик.

В начале апреля на заседании Совета Безопасности при обсуждении ситуации в стране и предложения оппозиции по Круглому столу возникла идея выработки совместной программы действий Президента СССР и руководителей республик, выступающих за сохранение обновленного Союза. А 23 апреля в Ново-Огареве главы девяти республик и Президент СССР (9+1) приняли совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса. Этим было положено начало так называемому «новоогаревскому» процессу, направленному на выработку совместной программы действий, подготовку и подписание нового Союзного договора.

Новоогаревский процесс был активно поддержан руководством большинства союзных республик (кроме Прибалтики, Грузии и Армении). В связи с проведением президентских выборов в России и итогами референдума о судьбе Союза умерило свою критику Союзного центра и руководство Российской Федерации. Но в то же время новоогаревский процесс встретил яростную критику со стороны консервативных кругов в партийно-государственном аппарате. Она развернулась против Горбачева уже на следующий день на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КПСС. Только под угро-

зой отставки Горбачева пленум выразил согласие с заявлением руководителей Союза и республик.

В рамках новоогаревского процесса совместно с республиками была разработана программа антикризисных мер в экономике. О своем согласии с ней и поддержке заявили и республики Прибалтики. Предложения о постепенном органичного вхождении в систему международных экономических отношений были представлены Горбачевым на Лондонской встрече глав государств – членов семерки в июне 1991 года.

К концу июля в результате трудной и кропотливой работы была завершена подготовка нового Союзного договора и на 21 августа назначено его подписание. Оно могло бы открыть новую эпоху в истории страны - многонациональной, последовательно демократической, с развитой экономикой социально-рыночного типа, высокой культурой, страной, занимающей достойное место в современном мировом сообществе.

Иначе оценивали сложившуюся в стране ситуацию антиперестроечные политические силы как правого, так и левого толка, сформировавшиеся и действовавшие в стране к середине 1991 года, их политические и идейные лидеры.

Консервативная оппозиция всячески тормозила процессы демократического обновления в экономике, политике и идеологии советского общества, усиливала и ужесточала критику горбачевского руководства, спекулируя на социально-экономических трудностях страны, вызванных не столько самой перестройкой, сколько неполнотой и непоследовательностью ее осуществления в силу объективных причин и глухим сопротивлением в самом партийно-государственном аппарате. Она требовала применения более жестких мер по отношению к забастовкам, митингам и демонстрациям под оппозиционными политическими лозунгами и требованиями. В начале 1991 года были предприняты попытки создания альтернативных государственных структур в республиках Прибалтики. Проведена передислокация воинских подразделе-

ний на предмет их использования в случае политических и межнациональных конфликтов. Там побывали генералы Варенников, Ачалов и другие военачальники. По имеющимся записям, у В.Болдина состоялась встреча О.Бакланова, Б.Пуго, Д.Язова, В.Крючкова, О.Шенина. Круг ее участников почти совпадает с составом будущего ГКЧП.

17 июня премьер Павлов, выступая в Верховном Совете СССР в отсутствие Горбачева, потребовал для правительства чрезвычайных полномочий. На следующий день вопросы о расширении своих прав как руководителей ведомств поставили Крючков, Пуго и Язов. И только после появления на заседании и выступления Горбачева эти вопросы были сняты с обсуждения.

Сигнал о возможной антигорбачевской акции правоконсервативных сил был подан на Запад Г.Х.Поповым через посла США Мэтлока, в связи с чем состоялся разговор по телефону Дж.Буша с Горбачевым, в ходе которого советский руководитель дал понять Президенту США, что непростая ситуация в СССР находится под контролем. И для этого были основания в связи с новоогаревским процессом.

О целях путча

В большинстве публикаций гэкачепистов выдвигается версия о том, что замысел отстранения от власти Горбачева и образования ГКЧП возник лишь в августе, во время отпуска Горбачева, и связывается с тем, что в их руках оказался новый текст Союзного договора.

Да, действительно заговор был оформлен и начал практически осуществляться в августе. Но несомненно и то, что предпосылки и контуры заговора начали складываться значительно раньше – с начала 1991 года. Они нашли свое проявление в действиях подразделений КГБ, МВД и армии в Вильнюсе и Риге, в уже упомянутых демаршах и требованиях чрезвычайных полномочий со стороны Павлова, Крючкова и Пуго в Верховном Совете, выпадах против Горбачева со стороны партийных ортодоксов на пленумах ЦК.

Весьма показательно, что при этом критика со стороны «твердых» партийцев направлялась не столько против Ельцина и его сторонников - ярых антикоммунистов, - сколько против Горбачева и реформаторов социалистического общества. И путч носил антигорбачевский, но отнюдь не антиельцинский характер.

По утверждению самих путчистов, их побудило к выступлению назначенное на 21 августа подписание Союзного договора, проект которого был выработан Президентом СССР с руководителями союзных республик в ходе новоогаревского процесса в итоге трудных переговоров. Но руководители Верховного Совета и Правительства Союза ССР были хорошо информированы о ходе и результатах этих переговоров. У них не было принципиальных возражений против его подписания, высказывались лишь отдельные замечания и предложения. 17 августа, буквально накануне путча, Президиум Кабинета Министров СССР принял постановление: «... Одобрить в принципе текст Договора о Союзе Суверенных Государств. Отметить, что в нынешней крайне сложной политической и социально-экономической ситуации подписание Союзного договора и его четкое исполнение будут иметь важное значение для стабилизации обстановки в стране, формирования обновленной Федерации суверенных республик»¹. В постановлении высказаны замечания по ряду вопросов, которые, по мнению правительства, требовали дальнейшего обсуждения и конкретизации, но не отрицали «в принципе» подготовленный к подписанию текст документа.

Но в тот же день, вечером 17 августа, Павлов принял участие во встрече заговорщиков у Крючкова, решившей не допустить подписания Союзного договора, предложить Горбачеву ввести чрезвычайное положение, а в случае его несогласия – передать власть вице-президенту Янаеву. Срывая подписание договора, заговорщики пытались сыграть на опасениях развала Союза в

¹ Павлов В. Август изнутри. Горбачев - путч. – М., «Деловой мир», 1993 г., с.101.

широком общественном мнении, не считаясь с тем, что сохранить Союз в прежнем виде в условиях демократического обновления страны было просто невозможно.

Сыграли свою роль и шкурные интересы. Дело в том, что перед отъездом Горбачева в отпуск состоялась его доверительная встреча с Ельциным и Назарбаевым, на которой были обсуждены некоторые важные решения, которые будут предприняты после подписания Договора, в том числе о сохранении поста Президента Союза за Горбачевым, о назначении Назарбаева главой союзного правительства вместо Павлова, о смене других союзных руководителей, в том числе об отставке Крючкова и Язова и т.д. По указанию Крючкова была сделана запись встречи. А затем она была использована для давления на участников ГКЧП.

На самом деле путч был связан не только с подписанием союзного договора. Это была фронтальная атака консервативных сил на перестройку во всех ее основных аспектах – общеполитическом, экономическом, международном. Об этом свидетельствует и текст обращения ГКЧП к советскому народу 18 августа 1991 года. На последнем следует остановиться. Ведь никаких других документов, материалов и комментариев со стороны членов ГКЧП в те дни не было опубликовано.

Исходным тезисом обращения является утверждение о том, что «начатая по инициативе М.С.Горбачева политика реформ, задуманная как средство динамического развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик»¹. Основная ответственность за это возлагается в Обращении на «экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой, на «политических авантюристов», «тех, кто по существу ведет дело к свержению кон-

¹ Цитируется по книге: Янаев Геннадий. ГКЧП против Горбачева. - М., Алгоритм-ЭКМО, 2010 г., с.106.

ституционного строя»¹. Кто здесь имеется в виду? - Явно радикал-либеральная оппозиция и ее лидер Ельцин. Но главный удар путчистов направлялся при этом на политическую линию горбачевской перестройки.

В Обращении ГКЧП обходится вопрос о ситуации в КПСС, ее роли в общественно-политических процессах. После XXVIII съезда КПСС и особенно после исключения из статьи 6 Конституции положения о руководящей роли партии ее влияние заметно пошло на убыль, а численность партии стала быстро уменьшаться. Внутри партии стали возникать неформальные группы (вроде «Демплатформы»), выступающие со своими политическими заявлениями. Некоторых «партийных диссидентов» исключили из партии, другие, в том числе такие широко известные, как Шаталин С.С., Яковлев А.Н., Шеварднадзе Э.А., Попов Г.Х., сами вышли из нее. Но в партийных органах сверху донизу упорно сохранялись ностальгические стереотипы ответственности «за всех» и «вся», а в государственных структурах - психология вторичности, зависимости от партийных решений.

В повестке дня все острее вставал вопрос о практическом изменении роли партии в обществе, избавлении ее от государственных функций и превращении в общественно-политическую организацию, которая вырабатывает свою политику в основных спектрах общественного развития, завоевывает поддержку в обществе и формирует государственную власть, способную осуществлять эту политику.

Решающий шаг в этом деле предполагалось сделать осенью 1991 года. На последнем Пленуме ЦК КПСС 25 июля 1991 года Горбачев представил проект новой Программы партии², было решено вынести ее на общепартийную дискуссию и принять на XXIX съезде. В значительной степени он носил социал-демократический характер. Скорее всего на съезде или в процессе его

¹ Цитируется по книге: Янаев Геннадий. ГКЧП против Горбачева. - М., Алгоритм-ЭКСМО, 2010 г., с.106.

² См. журнал «Коммунист», 1991 г., № 12.

подготовки произошел бы раскол (разделение) партии на консервативную (коммунистическую) и прогрессивную (социал-демократическую) части.

Августовский путч вообще снял с повестки дня осуществление этого варианта развития событий, отодвинул на неопределенное время появление массовой политической партии левого, социал-демократического типа.

В обоснование необходимости чрезвычайного положения руководители путча не преминули походя сослаться и на экономические трудности, принявшие, по их оценке, катастрофический характер и явившиеся следствием «хаотического, стихийного скольжения к рынку», «разрушению единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями». «...Если не принять срочных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени, - пугали гэкачеписты, – неизбежны голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений недовольства с разрушительными последствиями»¹.

Слов нет, экономическое положение в стране оказалось в 1990 и особенно в 1991 годах довольно трудным. Но оно не было легким и в начале перестройки из-за устарелости советского хозяйственного механизма, его несоответствия условиям и тенденциям современного научно-технического и экономического развития, чрезмерной зависимости народного хозяйства страны от экспорта топливно-сырьевых ресурсов, а также из-за непосильного бремени военных расходов. Добиться перелома в экономическом развитии можно было только путем реформирования хозяйственного механизма с использованием рыночных рычагов и стимулов. Об этом убедительно говорит опыт разных стран, в частности Китая.

Перестройка в нашей стране включала в себя проведение рыночных реформ, но это встретило упорное сопротивление консервативных сил в политическом аппарате и экономических структурах. Именно оно явилось главной причиной срыва экономических преобразований и нарастания эко-

¹ Цитируется по книге: Янаев Г. ГКЧП против Горбачева, с.108.

номических трудностей в стране. А виновники этого срыва стали вдохновителями путча.

Персональное авторство Обращения так и осталось неизвестным. Но ясно одно – оно было заготовлено заранее в недрах КГБ под руководством Крючкова и, возможно, при участии Болдина до молниеносной поездки 18 августа группы гэкачепистов к Горбачеву в Форос, подписано по ее возвращении на встрече заговорщиков у Павлова вечером того же дня, а утром 19 августа уже пошло в эфир и опубликовано в прессе.

Основные фигуранты

Безусловно, в основе путча лежала антиперестроечная идеология. Позиции его инициаторов и участников отражали весь спектр антиперестроечных настроений - как общее невосприятие целей перестройки, так и реакцию на отдельные негативные процессы и ошибки в политической, социально-экономической и внешнеполитической сферах.

Анализ возникновения идеи путча и его хода показывает, что наиболее активную, иницирующую роль в нем сыграли те, кто «в глубине души» были ее прямыми противниками. К ним относятся Крючков В.А. (Председатель КГБ), Янаев Г.И. (вице-президент СССР), Павлов В.С. (Председатель Кабинета Министров СССР), Варенников В.В. (маршал, заместитель министра обороны и командующий сухопутными войсками), Болдин В.И. (руководитель аппарата Президента СССР).

Главным зачинщиком и организатором антиперестроечного путча был, безусловно, Крючков. Именно он вместе со своими ближайшими сподвижниками в КГБ и, вероятно, с Болдиным вынашивал идею антигорбачевского выступления и готовил основные решения. У него 17 августа собрались организаторы путча, и были приняты основные решения. Второе собрание заговорщиков после возвращения «делегации» из Фороса, на котором официально был создан ГКЧП, а его руководителем стал Янаев, состоялось у

Павлова. Затем ГКЧП еще трижды собирался у Янаева. Крючков участвовал в них, но как бы отошел в тень, на деле оставаясь душой заговора.

Своей карьерой Крючков обязан Андропову, с которым он был связан с 50-х годов – со времени их совместной работы в совпосольстве в Будапеште, когда Андропов был послом, а Крючков – секретарем посольства. В 1959-1967 годах, когда Андропов стал Секретарем и заведующим Отделом ЦК по соцстранам, Крючков работал его помощником, затем в 1967 году вместе с Андроповым перешел на работу в КГБ, став в 1978 году его заместителем, а в 1988 году - Председателем КГБ. Сказались его прошлая близость к Андропову, поддержка со стороны А.Н.Яковлева.

Как Председатель КГБ и член Политбюро ЦК Крючков, естественно, не мог не высказываться в пользу перестроечных преобразований в стране. Об этом можно судить, например, по его докладу на Торжественном собрании в Кремле по случаю 72-й годовщины Октябрьской революции. Однако, как оказалось позднее, Крючков скрывал свои подлинные взгляды на историю советского общества и на суть и политику перестройки, что в полной мере выявилось в тех книгах и статьях, которые вышли в постперестроечные годы за его подписью. В них явно выражено стремление реабилитировать сталинский режим, полностью развенчиваются хрущевская оттепель и горбачевская перестройка, а в положительном ключе рассматриваются лишь два с половиной года андроповского руководства страной.

«Конечно, период правления Иосифа Виссарионовича Сталина, - пишет Крючков, - был небезоблачным. Он совершал ошибки и стратегического, и тактического характера. Но это относится не только к И.В.Сталину. Это относится ко всем великим мира сего. Главная ошибка И.В.Сталина, главное, что он не успел сделать, - это была проблема преемственности власти - организационной, кадровой... преемственности курса как важнейшего гаранта

уверенной и созидательной перспективы общенациональной политики»¹. «Первые удары по нашей стране, - считает Крючков, - были нанесены Н.С.Хрущевым, затем М.С.Горбачевым и Б.Н.Ельциным»². «Образ И.В.Сталина неизменно возникает передо мной», «не потускнел с годами»³, «Историческая реабилитация Сталина неизбежна», – приводит он слова некоего Ю.П.Белова. И от себя добавляет: «Сказано верно и мощно»⁴.

Из всего этого вытекает несомненный вывод: признания Крючковым необходимости и важности перестройки на ее первых, начальных этапах носили вынужденный и неискренний характер и не соответствовали его убеждениям. Когда перестройка стала затрагивать глубинные процессы, они сменились вначале слегка прикрытым отторжением и сопротивлением ей со стороны Председателя КГБ, а затем перешли в открытую борьбу с ней.

В середине февраля 1991 года Крючков направляет Президенту СССР письмо, в котором констатируется ухудшение обстановки в стране, но не дается никакого анализа ее причин и не предлагается никаких мер выхода из этого состояния, кроме возможности «в нужный момент» образования временных структур и осуществления чрезвычайных мер⁵.

В том же контексте следует рассматривать и демарш Павлова, Крючкова, Язова, Пуго на заседании Верховного Совета ССР, проходившем под председательством Лукьянова, о котором уже говорилось ранее. Логическим продолжением и завершением этой линии явилось образование ГКЧП, вдохновителем и главным организатором которого оказался Крючков.

¹ Крючков В.А. «Личность и власть». - М., изд-во «Просвещение», 2004 г., с.43. Об уровне книги, ее официального автора и тех, кто работал над ней, свидетельствуют содержащиеся в ней грубые фактические ошибки. Например, «польская армия, вооруженная, откормленная и снаряженная Советским Союзом» и к моменту битвы за Сталинград бежавшая в Иран, упорно называется «армией Д. Андерсена» (с.80). Читатель узнает из книги, что Чехословакия как единое государство, « в состав которого вошли Чехия и Словакия, появилось в результате Второй мировой войны». (с.301) и т.д.

² Там же, с.44.

³ Там же, с.55.

⁴ Там же, с.53.

⁵ Там же, сс.179-188.

К числу прямых противников перестройки должен быть отнесен Геннадий Янаев – вице-президент СССР, объявленный главой ГКЧП. По его словам, в воскресенье, 18 августа 1991 года он был приглашен Крючковым в кабинет Павлова в Кремле, куда вскоре прибыли из Крыма посланники заговорщиков, не получившие согласия Горбачева подписать документ о введении чрезвычайного положения в стране. Собравшиеся предложили Янаеву как вице-президенту принять на себя исполнение обязанностей главы государства. Тот попытался было отказаться от этой чести, кивнув в сторону Лукьянова, но под давлением присутствующих, в частности Болдина, упомянувшего об угрозе «завтра же оказаться арестованными», согласился, «взял ручку и подписал все документы о создании ГКЧП» и его обращение к советскому народу¹.

Конечно, как глава ГКЧП Янаев полностью ответственен за его антиконституционные решения и авантюристические действия, хотя главным идейным инициатором и фактическим руководителем заговора был не он, а Крючков.

Горбачев знал Янаева по комсомольскому прошлому, как секретаря Горьковского обкома комсомола, руководителя Комитета молодежных организаций СССР. В дальнейшем Янаев подвизался на профсоюзном поприще в качестве секретаря, а затем и Председателя ВЦСПС, а после XXVIII съезда КПСС на Пленуме ЦК по предложению Горбачева был избран членом нового Политбюро и Секретарем ЦК КПСС, курировавшим проблемы внешней политики. В конце 1990 года в связи с учреждением поста Президента СССР Янаев был избран вице-президентом СССР с весьма неопределенными функциями. Этот шаг, по-видимому, объясняется стремлением Горбачева сохранить рычаги влияния на партийно-государственный аппарат, определенные слои бывшей комсомольской общественности и профсоюзный актив.

¹ Геннадий Янаев. ГКЧП, прорыв Горбачева. Последний бой за СССР. - М., Алгоритм-ЭКМО, 2010 г., сс.105-106.

Эти надежды не оправдались. Янаев оказался политически незрелым, беспринципным и несостоятельным руководителем, противником перестройки. Сказалось и то, что он, как и Крючков, не был причастен к выработке и развитию концепции перестройки, столкнулся с ней, когда она подошла к своему критическому рубежу. Пребывая во власти в конце 1990-начале 1991 годов, Янаев, соответственно, выставлял себя сторонником Горбачева и перестройки. На самом деле, как пишет об этом сам Янаев в послеавгустовских публикациях, он был ярким ее противником, склонным к оправданию преступлений сталинизма, в полной мере раскрытым в годы перестройки.

Так, в книге, выпущенной в 2010 году, он взялся за отрицание изуверской расправы 1939 года, учиненной НКВД по решению Сталина и других советских руководителей в Катыни над многими тысячами польских военнопленных. Оказывается, по Янаеву, пленных поляков расстреляли под Смоленском все-таки немцы в 1941 году, а «сфабрикованные горбачевцами документы пропали» из особых правительственных архивов Польши¹. И это пишет Янаев в книге, вышедшей в 2010 году после новой трагедии под Смоленском, постигшей польское руководство!

Видную роль в подготовке августовского путча сыграл Валентин Павлов, выдвинутый Горбачевым в начале 1991 года на роль главы Кабинета Министров Союза. Он неплохо разбирался в макроэкономических процессах, чувствовал нарастание экономических трудностей, связанных с ослаблением Союза. Но допускал и серьезные «ляпы». Например, под предлогом упреждения «подрыва денежного обращения страны со стороны враждебных зарубежных сил» затеял замену крупных денежных купюр. Кроме паники и общественного возбуждения она ничего не дала. Явной провокацией стало выступление премьера на заседании Верховного Совета в марте с требованием наделить Кабинет Министров чрезвычайными полномочиями.

¹ Геннадий Янаев. ГКЧП против Горбачева, сс.178-183.

Что побудило Павлова принять участие в августовском путче? Не только и не столько нарастание экономических и политических трудностей в стране, но и влияние вдохновителей заговора и, прежде всего, Крючкова. Вероятнее всего, Павлов узнал, что после подписания Союзного договора он перестанет быть руководителем правительства и уйдет в политическое небытие.

Впрочем, Павлов сам исчез с политического горизонта уже на второй день путча «по болезни», за которой, по мнению многих участников этих событий, скрывался элементарный запой. Не этим ли вызваны чудовищные выдумки Павлова о сути августовских событий? «Горбачев, - пишет он, - решил использовать нашу преданность делу и своей стране, народу, чтобы расправиться нашими руками с Ельциным, подталкивая нас на кровопролитие, а затем как Президенту СССР расправиться с виновниками этого кровопролития, то есть с нами ... Ельцин, я уверен, - продолжает Павлов, - знал этот сценарий и готовил заранее свой выход из-за занавеса... Он решил нашими руками убить Горбачева и затем, также организовав кровопролитие, ликвидировать нас... Горбачев же потерял чувство меры и времени, опять испугался и отложил разрешение конфронтации с Ельциным, сдав свою последнюю команду. Он не понял даже, что предав А.Лукиянова, В.Крючкова, Д.Язова, Б.Пуго, потерял не только людей, но и армию, службу безопасности и депутатский корпус»¹.

Что на это можно сказать? Наверное, автор писал эти строки в состоянии той «болезни», которой он страдал в дни путча.

В состав ГКЧП, помимо Крючкова, Янаева, Павлова, вошли руководители и других силовых органов: министры: обороны - Язов Д.Т. и МВД – Пуго Б.К. Все они были в большей или меньшей степени противниками перестройки.

¹ Валентин Павлов Горбачев путч. Август изнутри. Деловой мир. - М, 1993 г.

Б.Пуго был вызван в Москву из отпуска в Крыму буквально накануне выступления путчистов, а на третий день, когда обнаружилась несостоятельность ГКЧП, застрелился у себя дома вместе с супругой¹. Что касается маршала Язова, то он хотя и послушно выполнял все директивы ГКЧП по движению войск, собственной активности не проявлял. В этом отношении его дополнял маршал Варенников, развивший кипучую энергию в изоляции Горбачева и раскручивании путча.

Особо следует сказать о Лукьянове, бывшем в то время Председателем Верховного Совета СССР, т.е. вторым по значимости лицом в государстве после Президента. С Горбачевым он был знаком со времени учебы на юридическом факультете Московского университета. В годы перестройки Лукьянов как зав.отделом, Секретарь и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС принимал самое активное участие в разработке и реализации реформы политической системы, тесно сотрудничал с Горбачевым, хотя и не входил в узкое доверительное окружение Горбачева.

Лукьянов, безусловно, был политически грамотнее, опытнее и изощреннее других участников путча, старался не давать оснований для причисления его к заговорщикам. Он находился в отпуске на Валдае и не принимал участия в совещании у Крючкова 17 августа, на котором было решено ввести чрезвычайное положение в стране. (Остается, правда, неясным, был ли он приглашен на это совещание, но не откликнулся, или не был приглашен).

На второй встрече заговорщиков поздно вечером 18 августа в Кремле в кабинете Павлова после возвращения «делегации» путчистов из Фороса, принявшей «официальное» решение об образовании ГКЧП и введении в стране чрезвычайного положения, Лукьянов, по его словам, «прямо говорил», что не считает введение чрезвычайного положения «абсолютно оправданным» и отказался входить «в состав такого чрезвычайного, не предусмотр-

¹ Покончили с собой еще два близких Горбачеву и честных человека – маршал Ахромеев С.Ф. и управляющий делами ЦК КПСС Кручина Н.Е.

ренного Конституцией органа, каким был ГКЧП»¹. «Депутатам, да и мне самому, - вспоминает Лукьянов, - многое было непонятно, в том числе и позиция президента. В той обстановке принимать быстрые и выверенные решения было очень и очень трудно»².

Спрашивается: почему же тогда Лукьянов как Председатель Верховного Совета СССР – второе лицо в государстве – не выступил с публичным заявлением по этим кардинальным вопросам? Если ему «многое было непонятно», то почему, прибыв в Москву и узнав о заговорщических действиях, он не связался с президентом, чтобы прояснить его позиции и оценки происходящего. Почему всячески тянул с созывом Верховного Совета, председателем которого он был.

В свое оправдание, как бы между прочим, мимоходом Лукьянов замечает, что «связь с ним (т.е. с Горбачевым) отсутствовала»³. Это означает невольное признание Лукьяновым факта изоляции Горбачева в Форосе от внешнего мира, отрицанию которого посвящены многие десятки страниц в публикациях путчистов и их показаний в ходе следствия. И главное: почему же Председатель Верховного Совета, прибыв из отпуска в Москву и узнав о ситуации в руководстве страны, не потребовал от Крючкова соединения с президентом.

Не дал Лукьянов удовлетворительного ответа и на вопрос: почему им немедленно не был созван Верховный Совет. Он ссылается на то, что «по закону внеочередная сессия Верховного Совета должна была быть созвана **не позднее** семи дней со времени поступления предложения о ее созыве, а решение о созыве такой сессии должно быть опубликовано не позднее, чем за три дня до ее открытия»⁴. Первая ссылка ничего не объясняет – автор тут пытается запутать читателя, истолковывая формулу «не позднее» как «не рань-

¹ Анатолий Лукьянов. Август 91-го. А был ли заговор? – М., Алгоритм-ЭКМО, 2010, с.65.

² Там же, с.66.

³ Там же, с.65.

⁴ Анатолий Лукьянов. Август 91-го. А был ли заговор? – М., Алгоритм-ЭКМО, 2010, с.67.

ше». А формула «за три дня до открытия» не мешала созвать Верховный Совет, например 21 или 22 августа, а не тянуть до 26 августа.

Дело было, конечно, не в этих формальностях и деталях, а в позиции Лукьянова в принципиальных вопросах. Он явно был на стороне путчистов, поддержал по существу их меры по отстранению Горбачева от власти и его изоляции, но, понимая незаконность действий гэкачепистов, колебался, выжидал, тянул созыв Верховного Совета, надеясь, видимо, на сохранение или даже повышение своей роли в дальнейшей политической жизни при любом развитии событий.

Нельзя пройти и мимо роли в антигорбачевском заговоре и августовском путче Болдина В.И. – руководителя аппарата Президента и Генерального секретаря ЦК КПСС. В отличие от уже упомянутых лиц он не был публичным политиком, не выступал с политическими докладами и статьями, но был ближайшим сотрудником и доверенным лицом Горбачева. Через него шло формирование всего потока информации Горбачеву по государственной и партийной линиям, так и его поручений. Могу лишь подтвердить, что в этой роли Болдин оказался не случайно. К этому, судя по многим признакам, имел отношение А.Н.Яковлев, хотя ни он, ни сам Болдин по понятным причинам нигде прямо об этом не говорили. Но по всем их воспоминаниям и моим личным наблюдениям дело было именно так.

Болдин был знаком с Яковлевым с начала 60-х годов, когда работал в аппарате Секретаря ЦК Ильичева, а Яковлев был инструктором в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС¹. Их отношения продолжались, когда Яковлев делал карьеру в аппарате ЦК КПСС, став вначале зав.сектором, а затем и первым заместителем заведующего Отделом агитации и пропаганды (в том числе в течение нескольких лет, когда заведующего отделом не было). Болдин же перешел на работу в «Правду», а в 1981 году вновь оказался в ЦК уже в роли помощника Горбачева, задолго до того, как он стал генсеком.

¹ Болдин В.И. Крушение пьедестала, с.47.

Тандем Яковлев-Болдин, как показал последующий ход событий, не имел под собой серьезной, принципиальной основы и сохранялся, пока они были нужны друг другу в чисто прагматическом смысле. К концу 1990 – началу 1991 годов под влиянием обострения социально-экономических и политических противоречий он распался и даже превратился в свою противоположность: Яковлев все более склонялся к радикал-либералам, а Болдин – к консервативным силам.

Разница в том, что Яковлев не скрывал своих взглядов и нарастающих расхождений с Горбачевым, писал записки, публично выступал с предложениями о радикализации реформ. Болдин же действовал «тихой сапой»: находясь около президента и генсека, сблизился с Крючковым и другими фигурами консервативного типа в партийном и государственном руководстве и постепенно оказался в самом центре антигорбачевского заговора. Вот уж кто действительно заслужил клеймо предателя и не только в политическом, но и в личностном плане! Об этом ему прямо было заявлено мною на встрече, состоявшейся по моей инициативе 20 августа, когда путч был в полном разгаре, и было еще не вполне ясно, чем он может закончиться.

Встает вопрос о политической позиции и практических действиях руководства КПСС во время путча. Политбюро, Секретариат ЦК партии в дни путча никаких публичных заявлений на этот счет не принимали. Заместитель Генерального секретаря Ивашко был болен. Но члены Политбюро и Секретари ЦК Бакланов и Шенин были включены в ГКЧП, активно участвовали в его создании и деятельности. В этом же духе действовали аппарат ЦК, Московский горком и многие партийные органы на местах.

Заявление Горбачева на последнем Пленуме ЦК об отставке с поста генсека, хотя не было принято и даже не поставлено на голосование, показало, что партия находится в глубоком кризисе, стоит перед неизбежностью раскола на консервативную и реформаторскую части. И он, видимо, произошел бы на XXIX съезде партии осенью 1991 года, и к этому уже началась

подготовка. В августе был опубликован проект Программы реформаторской партии социал-демократического типа. Но путч и последовавший после его поражения запрет КПСС сняли с политической повестки дня этот вопрос. Президент СССР в борьбе за сохранение Союза и продолжение перестройки оказался без поддержки организованных политических сил.

Заключение

При рассмотрении августовского путча возникает еще один и, пожалуй, главный вопрос: против чего и против кого он был направлен.

Его организаторы и руководители в один голос заявляют, что их цель состояла в предотвращении развала Советского Союза и отказа от социализма. Но Горбачев никогда и не выступал против социалистических идей и ценностей как таковых, а боролся против их искажения и извращения в советской практике, за сочетание социалистических ценностей с эффективными и прогрессивными тенденциями современного общественного развития. Именно на эти цели была направлена перестроечная деятельность Горбачева во всех основных сферах общественной жизни: в политической системе, экономике, идеологии и культуре.

И уж совсем нелепо выглядит обвинение Горбачева со стороны путчистов в развале Советского Союза. Достаточно напомнить об огромных усилиях, предпринятых им для разрешения или смягчения межнациональных конфликтов, доставшихся от истории и долгое время загонявшихся внутрь, но вышедших наружу в условиях демократизации. Настойчиво искались пути и формы обновления отношений между республиками и Центром в рамках Союза.

В связи со всем этим возникает и такой вопрос: почему же инициаторы путча придали ему антигорбачевский, а не антиельцинский характер? Ведь было всем ясно, что именно Ельцин является не реформатором, а разрушителем экономической и политической системы страны, выступает в принципе

против социалистических ценностей, за роспуск Союза как единого государства.

Почему же Горбачев был изолирован в Форосе, а Ельцин в ночь с 18 на 19 августа спокойно прилетел из Алма-Аты и наутро, как он сам описывает, опасаясь ареста, но не встречая никакого противодействия, появился в Москве и развернул кипучую деятельность: встречался со своими сторонниками, вел переговоры с оппозиционными политиками, проводил совещания, перезванивался с военными, в частности с Грачевым и Шапошниковым, выступал с танка перед массой людей, собравшихся у Белого дома.

В обширных публикациях и мемуарах путчистов эта сторона августовских событий тщательно обходится. Можно, конечно, предположить, что это был тактический маневр путчистов: свалив Горбачева при нейтрализации Ельцина, затем развернуть борьбу и против него. Если такой замысел и был, то он полностью провалился. Ельцин, несмотря на свой антигорбачевизм, отражая настроения общественности, не пошел на сотрудничество с путчистами, развернул активную борьбу с ними. Конечно, путч, как попытка повернуть вспять развитие событий, был обречен на провал. Но то, что это произошло на третий день, - безусловная заслуга Ельцина и его коллег.

Не вызывает сомнения, что Ельцин, со своей стороны, не преминул использовать путч и его разгром для укрепления своих позиций, продолжения и усиления линии на роспуск Союза ССР и радикальное изменение общественно-политического устройства страны. Горбачев до конца вел отчаянную борьбу за сохранение союзного государства, но действие разрушительных тенденций, усиленное августовским путчем, преодолеть не удалось.

Трехдневный августовский путч, вылившийся в острую вспышку политической борьбы в Москве, к счастью, обошелся без массовых человеческих жертв. Но он потряс всю страну, привел к коренному изменению ситуации и системы управления ею.

С политической арены исчезла КПСС. Подорваны основы законодательной и исполнительной власти в СССР. Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, созванные в экстренном порядке после путча, в дальнейшем больше не собирались, просто перестали существовать. Некоторые функции союзного управления были возложены на вновь созданный Межреспубликанский экономический комитет (Силаев, Лужков, Вольский, Явлинский). Новые руководители союзных силовых ведомств (Минобороны, КГБ, МВД), а также МИДа, Гостелерадио и др. были назначены по согласованию с российским руководством.

В итоге августовская авантюра, ставившая своей задачей предотвратить роспуск Союза, привела к прямо противоположному результату, придав сильнейший толчок дезинтеграционным процессам и поставив Союз перед лицом полного развала. Союзный центр был фактически обескровлен. Остался лишь институт Президента СССР и его небольшой аппарат.

В этих трудных условиях М.С.Горбачев как Президент СССР стремился мобилизовать все оставшиеся силы и возможности для сохранения обновленного союзного государства. Но процессы суверенизации РСФСР и союзных республик, отчуждения в отношениях между ними набрали такую инерцию и зашли так далеко, что остановить их оказалось невозможно.